

ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ ДЕТЕКТИВНЫЕ ИСТОРИИ

Новый год с ДЕТЕКТИВОМ

Анна и Сергей Литвиновы

Татьяна Устинова

Евгения Михайлова

Янина Корбут

Елена Гордина

Наталья Антонова

Великолепные детективные истории

Татьяна Устинова

Новый год с детективом

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Устинова Т. В.

Новый год с детективом / Т. В. Устинова — «Эксмо»,
2023 — (Великолепные детективные истории)

ISBN 978-5-04-193207-7

Сборник «Новый год с детективом» порадует всех любителей остроумных и захватывающих остросюжетных новелл! В предпраздничные дни всем нам хочется возвращения в детство, радости и уюта! Рецепт новогоднего настроения прост: украсить дом, нарядить елку и заранее приготовить подарки для родных и близких. А компанию вам составят любимые писатели. Татьяна Устинова, Анна и Сергей Литвиновы и другие известные авторы обеспечат ту самую непередаваемую новогоднюю атмосферу! В сборнике «Новый год с детективом» есть все, что вы так любите в детективах: хитроумно закрученный сюжет, стремительное расследование и головокружительный финал. Попробуйте разгадать новогоднюю детективную загадку раньше всех!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-193207-7

© Устинова Т. В., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Анна и Сергей Литвиновы	6
Татьяна Устинова	19
Евгения Михайлова	21
Конец ознакомительного фрагмента.	32

**Татьяна Устинова, Анна и Сергей
Литвиновы, Евгения Михайлова, Янина
Корбут, Елена Гордина, Наталия Антонова**
Новый год с детективом
Сборник рассказов

Редактор серии А. Антонова

Разработка серийного оформления А. Гаретов и С. Курбатов

великолепные
ДЕТЕКТИВНЫЕ
истории

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Анна и Сергей Литвиновы

• Санта-Клаус для хулиганки •

Новый год ворвался в столицу, накрыл разноцветьем фейерверков. За стенкой с громким хлопком открыли очередное шампанское, засмеялись. За окном – веселье, парочки счастливые целуются, подвыпившая компания вокруг елки хоровод водит. И только Ксюша – одна. В чужой, неприятной комнате.

Она, конечно, тоже загадала под бой курантов желание.

Хочу стать первой.

Но сейчас смотрела в зеркало на себя – некрасивую. Нескладную. В одежках с чужого плеча. И понимала: чуда не случится. Опять она останется последней. Как всегда в ее жизни и случилось.

* * *

Баба Рая жила в двухкомнатной квартире. Девочка Ксюша – этажом ниже. Родители у нее выпивали, часто скандалили, и тогда баба Рая стучала по батарее или вызывала полицию. Но чаще просто давала возможность маленькой Ксюше отсидеться у себя дома, пережить семейную бурю.

Девочка у нее и ночевала иногда, и наряды ей старуха к праздникам покупала – отец-то с матерью в обноски одевали.

Талантами Ксюша не блистала, и методики развивающие, сколько баба Рая ни пробовала, на нее не действовали. Но иногда удавалось чем-то зацепить.

Пересидевала как-то Ксюша у соседки очередную семейную ссору. Баба Рая хлопотала на кухне, ребенка оставила в гостиной перед телевизором. Закончила с супом, заходит – та сидит зареванная. Перепугалась, кинулась:

– Детонька, что случилось?

А у госты на коленях – раскрытая книга. Потрепанный томик Ахматовой. Слезы на пожелтые страницы капаят.

– Баб-Рай, – прошептала, – это так красиво...

И, всхлипывая, голосок прерывается, прочла:

*Задыхаясь, я крикнула: «Шутка
Все, что было. Уйдешь, я умру».
Усмехнулся спокойно и жутко
И сказал мне: «Не стой на ветру».*

Читала (хоть и двенадцать лет исполнилось) неуверенно, запинаясь, монотонно. Но баба Рая вдруг отчетливо представила: отчаяние, непогоду, одиночество брошенной женщины. И пробормотала:

– Ксюша. Да тебе в артистки надо!

Слезки мгновенно высохли, девочка глупо хихикнула:

– Я ведь некрасивая, баб-Рай!

– Ты необычная. В кино это называется фактурная. И читаешь так, что за душу берет.

– Но я запинаясь!

– То и удивительно: вроде бубнишь, но атмосферу все равно создаешь. Это от бога.

– Не, глупости. Какая из меня актриса! – Вздохнула печально. – Я в школе хотела в театральный кружок, не взяли. Сказали, потому что учусь плохо и матом ругаюсь.

Но баба Рая открыла телефонный справочник и стала обзванивать творческие студии. В одной из них велели: выучить басню, придти на просмотр.

Ксюша сначала загорелась, но когда стали вместе читать Лафонтена, Крылова – быстро скисла. Ворчала: «Нудятина!»

И, сколько ни бились, назубок выучить не получилось – память у Ксюши плохая. На прослушивании совсем занервничала, тарабанила – лишь бы не ошибиться. Вальяжный, седовласый руководитель не прерывал, но морщился. А когда девочка отмучилась, приговорил:

– Можно, конечно, пробовать. Но на мой профессиональный взгляд, толку не будет.

Ксюша сразу сникла, ссутулилась. Мэтр снисходительно продолжал:

– Слишком зажата. И неубедительна. Если только на платной основе...

– Я готова! – вскинулась баба Рая.

Но девочка сердито выкрикнула:

– Да пошел он, индюк напыщенный!

И кинулась прочь.

– Сразу видно *породу*, – иронически молвил ей в спину вальяжный театрал.

– Нельзя так с ребенком, – рассердилась баба Рая.

И тоже ушла.

Ходить на прослушивания в другие места обиженная Ксюша категорически отказалась. Но попыток приобщить ее к прекрасному баба Рая не оставляла. Искала на «Культуре» хорошие фильмы. Девчонка зевала, норовила переключить канал на музыку или происшествия. Но иногда застывала, глядя на пронзительную Грейс Келли, и баба Рая тогда сразу начинала рассказывать, что великую актрису и супругу князя Монако собственные родители считали гадким утенком, а вместо ролей в кино она долго получала только контракты на съемки в рекламе пива, сигарет и пылесосов.

Ксюша грустно вздыхала:

– Да куда мне! У нее вон, глаза какие красивые! И отец миллионер...

Баба Рая пыталась влиять на родителей Ксюши. В редкие моменты, когда те находились в трезвости, объясняла: дочка у них талантливая, необычная. Ее учить надо.

Но мать отмахивалась:

– Какой талант, одни тройки в школе. Пусть работать идет, сколько лет кормили ее, дармоедку.

А отец назидательно говорил:

– Удумали чего, в театр! Актриска должна манкой быть, с дьявольщинкой. А Ксюша наша – ни рожи, ни кожи.

Баба Рая сердилась:

– Не понимаете вы ничего.

И продолжала мечтать, что маленькая ее протеже станет актрисой.

Узнала: в театральные вузы на результаты по математике не смотрят – только русский с литературой надо. И, как могла, готовила Ксюшу. Диктанты заставляла писать, Лермонтова читала вслух.

Беда в том, что в талант своей девочка не верила, да и учиться не любила. Каждый раз приходилось выбирать «прикольные» отрывки, а за сочинения сулить призы – мороженое или шоколадку. Но на слабенькие «четверки» гуманитарные науки кое-как вытягивали.

А когда Ксюше исполнилось семнадцать, связалась она с дурной компанией, и школа совсем стала побоку. Уроки прогуливала. Курила во дворе с подозрительными парнями, обнимала страшных-кожаных на заднем сиденье мотоциклов. Но с бабой Раей всегда паинька, в магазин для нее ходила, убирать помогала.

Школу закончила еле-еле. Про институт теперь даже речи не было – устроилась в палатку рядом с домом.

...Родная дочка бабы Раи давно выросла, вышла замуж, жила отдельно. Зять работал в полиции и больше всех беспокоился из-за странной дружбы тещи с девочкой из нехорошей семьи. Постоянно зудел жене:

– Обнесут у твоей матери квартиру. Или еще что похуже.

– Да что ребенок может сделать?

– Она уже не ребенок. Восемнадцать лет. Работает торгашкой, общается с подонками. Сколько дел уголовных было, когда жилье оттяпывали, а стариков убивали.

– Да ладно тебе. Нормальная девчонка, только запущенная. И мать мою любит, никогда зла ей не сделает.

– Ну, может, топором рубить и не станет. Хитрей поступит. Квартира ведь Раисе Степановне принадлежит? Вот и подумай. Ты надеешься, что единственная наследница? А по закону обязательную долю только инвалиды имеют, так что тебе не положено. Напишет мать завещание на эту Ксюшу – и все, улетит жилплощадь, ничего не поделаешь.

– Брось. Не будет мама чужому человеку квартиру отписывать.

– Пистолет наставят – что угодно подпишет.

На мозги капал постоянно, так что дочь бабы Раи реально забеспокоилась. Прав муж, может плохо кончиться. Девица курит, выпивает, вечно в окружении парней подозрительных. На матерых уголовников не тянули, но по мелочи явно проблемы с законом имели. Ксюша тоже наверняка подворовывает. В том числе и у ее матери. А подслеповатая старуха, небось, и не замечает, что деньги у нее исчезают.

Велела бабе Рае деньги ее пенсионные обязательно контролировать и расходы записывать.

Старуха дочери послушалась, в конце месяца показала отчет. Дебет с кредитом вроде сходил. Но две тысячи восемьсот рублей «Ксюше на шапочку зимнюю» и ей же тысячу пятьсот «в долг до зарплаты» дочке бабы-Раиной решительно не понравились.

И она придумала, как Ксюшу от матери своей отвадить.

У бабы Раи как раз надвигался юбилей. Двадцать второго декабря – восемьдесят лет.

По идее, банкет бы надо в ресторане, родню созвать, подружек материных, кто еще жив. Но в заведениях в это время – корпоративы предновогодние, цены подсакаивают вдвое. С пенсии старухиной точно не погуляешь, а самим платить не с чего, времена нынче сложные.

Баба Рая успокаивала:

– Да зачем нам рестораны? Дома посидим.

Но тоже ведь морока: продукты закупать, готовить, потом посуду мыть.

– Ничего, я Ксюшу позову на подмогу.

– А она вообще к тебе часто приходит? – словно бы между делом спросила дочь.

– Нет, – вздохнула тетя Рая, – все у нее дела какие-то. Но на день рождения, конечно, придет.

– Позови и сейчас. Чаю вместе попьем.

– Ты ведь не любишь ее, – взглянула проницательно мать.

– Так я по делу. Попросим, чтобы с готовкой помогла. По-соседски.

Позвонили беспутной соседке. Ксюша быстро явилась. Юбка коротюсенькая, рожа намазанная. Старуха расплылась в улыбке:

– Птенчик мой прилетел!

Дочь еще больше насупилась – мыслимое ли дело, к юной шалаве – ласковей, чем к человеку родному.

Но уселись все вместе за стол. Попросили девчонку, чтобы накануне юбилея пришла, подсобила.

– Ясен перец, заявлюсь! – хохотнула та. – Будем салаттики строгать и шампусик квасить, чтобы не скучно, да, баб-Рай?

Дочка тети Раи неодобрительно скривилась – что за манеры.

Ксюша перехватила ее осуждающий взгляд и вдруг ангельским голосом попросила:

– Баб-Рай, а можно мне ваши фотоальбомчики посмотреть?

– Да ты видела все сколько раз!

– Еще хочу. Жалко вам, что ли?

– Ну, пойди в залу, погляди.

Какой изумительный момент!

Девчонка – одна! – отправилась в комнату.

Дочь бабы Раи прошипела:

– Сопрет что-нибудь.

– Брось, – отмахнулась старуха. – Она у меня никогда не возьмет.

– Посмотрим, – зловеще усмехнулась дочь.

Резко отворила дверь в залу – и увидела: Ксюша из альбома фотографию вытаскивает.

– Ты что творишь? – напустилась на нее дочь бабы Раи.

А девица глазами хлопает:

– Ничего.

– Как это ничего? Я видела: ты фотографию вытащила!

– Не брала я!

– Давай, посмотрим.

Подскочила, стала листать альбом – действительно, одной карточки нет.

– Ты вытащила?

– Нет!

– Да я видела!

Баба Рая тоже подошла, сказала растерянно:

– Правда нету. Ксюшенька, это моя любимая фотография. Зачем тебе она?

Но девчонка зло топнула ногой:

– Не брала я ничего! И нечего тут туфту гнать!

Вся красная от злости, кинулась в коридор, из квартиры вон. Шваркнула входной дверью.

Дочь дождалась, пока по лестнице отгремели шаги. И сладким голосом говорит бабе Рае:

– Ты по-прежнему свои деньги похоронные дома держишь?

– Конечно. Банкам доверия нет.

– А прячешь где?

– В большой комнате.

– Ксюша твоя там одна была. Пойди проверь: деньги-то на месте?

– Ой, ну что ты говоришь!

– Посмотри, посмотри.

Баба Рая неохотно отправилась в комнату. Открыла книжный шкаф. Достала томик Достоевского. Раскрыла. Побледнела и схватилась за сердце. Прошептала:

– Как она могла...

Дочке прямо жаль ее стало.

Зато Ксюша теперь точно в их квартиру больше не придет.

* * *

Ксюша выскочила из квартиры. Сердце колотилось молотом. До чего противно, когда хочешь хорошее дело сделать, а тебя за воровку принимают!

Она давно чувствовала: родственники бабы Раи ее ненавидят.

Дочка – та только рожу кривила. А вот муженек – легавый – реально подставить может. Давно глядит волком. Недавно остановил Ксюшу во дворе. Смерил холодным взглядом. Процедил:

– В квартире *нашей* чтобы больше не околачивалась!

Она, понятно, взорвалась:

– Я не к вам хожу, а к бабе Рае!

Мужик нехорошо прищурился:

– Девочка, ты с огнем играешь. Хочешь, чтоб порошочек белый в кармашке нашли? По двести двадцать восьмой прогуляться, годков эдак на пять?

Про статью за наркотики она знала – дружок нынешний по ней как раз пятилетку отмотал. А зять баб-Раин продолжает давить:

– У нас в полиции как? На человека смотрят, на его облик моральный. Ты с контингентом общаешься нехорошим. Даже разбираться не будут – закроют на полную катушку.

Мужика она тогда, конечно, послала. И к бабе Рае продолжала ходить. Кто он вообще такой, чтоб пугать?

Но сейчас совсем нехорошо получилось. Она ведь действительно фотографию украла. Надо было, конечно, объяснить, зачем взяла. Но когда орут – оправдываться неохота.

И настолько вдруг стало обидно, беспросветно, тяжело. Что у нее за жизнь! Дома – пьянство сплошное. На работе, в палатке, – тоска и от начальства придирки. Бойфренд нынешний – вечно обкуренный. Город родной – болото. А баб-Рая, единственный человек, к кому прикипела, теперь тоже ее за воровку приняла.

«Не хочу больше здесь оставаться», – прошипела сквозь зубы.

И замерла.

А кто, собственно, ей мешает – разом со всем покончить?

* * *

Как считалось у них в городе и учил писатель Чехов (его рассказы читали вместе с бабой Раей), бежать всегда надо в Москву.

Ксюша умчалась на ночном поезде, в плацкарте. Денег с собой – смешные несколько тысяч, знакомых в столице никаких. И что там делать, как устраиваться – совсем непонятно. Город, все говорили, жесткий и очень дорогой. Гостиница, народ в вагоне болтал, – от штуки в сутки, причем за самую поганую. Но можно устроиться в общагу, или, по-столичному, хостел.

Ксюша лежала на верхней полке, устала нос в окно. Снаружи – чернота, в стекла бьет то ли дождь, то ли снег. Декабрь, самый, по идее, домашний и праздничный месяц. А она едет неизвестно куда, на день рождения бабы Раи не попадет, и Новый год ей тоже встречать – негде и не с кем.

На станциях (когда появлялся Интернет) искала, где преклонить голову. Выбрала самый дешевый хостел, триста в сутки за общий номер. На первое время денег ей хватит, но надо срочно на работу устраиваться. Баба Рая когда-то подсказала красивый план. Пойти гардеробщицей, но не абы куда, а в институт творческий или в театр. И режиссерам улыбаться – авось кто приметит.

Идея дурацкая, но вакансии гардеробщиц Ксюша тоже посмотрела. И место в театре нашла. Только зарплату предлагали – семь тысяч. Даже на общежитие не хватит. Так что лучше в дворники – они хотя бы тридцатку получают.

В хостел (расположился в ближайшем пригороде, на обочине шоссе) добиралась долго и входила с опаской. Явно за такие деньги окажется шалман. Но хотя снаружи выглядело здание весьма зловеще, внутренности оказались приличные. Свежий ремонт, кулер с бесплатной водой, кухонька чистенькая. Елочку в общем холле уже поставили.

В комнатах каждая кровать отделена занавеской. Соседками оказались трое таджичек и тощая, рыжеволосая девица примерно Ксюшиных лет – эта сразу кинулась с расспросами:

– Откуда? Что делать здесь будешь?

Город родной Ксюша, на всякий пожарный, назвала другой. А по поводу планов честно ответила:

– Вообще понятия не имею.

– Пойдем со мной на съемки тогда! – жизнерадостно предложила новая знакомая.

Вот это любопытный поворот.

– Ты актриса?!

– Актрисы в хостелах не живут. Я зритель. Но тоже сгодится на первое время.

Ксюша с удивлением узнала: оказывается, в Москве и такая профессия есть. Ходить на съемки телепередач, с умным видом слушать, как гости обсуждают разные глупости, по команде администратора хлопать. А вечером получать гонорар.

– И сколько платят?

– На первом канале и по два косаря бывает. Но я пока только на Ютуб попадаю. Там по пятьсот.

В ларьке за двенадцать часов платили тысячу, но за те деньги постоянно колготиться, материальную ответственность нести. А тут пятьсот – просто за то, чтоб посидеть в тепле.

Ксюша решила попробовать. Сходила в гладильную, привела в порядок одежду. Нарядилась, накрутилась. И администратор на съемках ее даже в первый ряд посадил.

– С ходу карьеру делаешь! – кисло улыбнулась рыженькая (ей досталось место во втором).

Первые пару часов Ксюша с восторгом наблюдала, как по студии перемещаются камеры, внимательно слушала, о чем говорят гости, бурно, по знаку администратора, аплодировала. К обеду начала клевать носом, к окончанию съемок сидела совсем без сил. Еды зрителям не полагалось, подружка новая купила себе в торговом автомате шоколадку с кофе, но Ксюше показалось жаль тратить на глупости половину дневной зарплаты, так что в животе противно подсасывало. Но в целом – работа непыльная.

Так что подписалась на все ресурсы, где набирали зрителей, и уже на следующий день снова на съемки отправилась.

В этот раз на программу «Великий-могучий». Здесь школьники соревновались, кто лучше русский с литературой знает, и Ксюше это показалось куда интереснее, чем наблюдать за скучными взрослыми дебатами.

В третьем туре речь пошла про всякие историзмы, архаизмы и прочие редкие слова. Остальные зрители прятали зевки, она слушала с интересом. Вспоминала, как с бабой Раей Лермонтова читали и старуха ей объясняла, кто такие абреки и из чего чихирь делают.

А после того как соревнования между участниками завершились, ведущий объявил конкурс для зрителей. Пообещал приз (книгу новогодних рассказов) и спросил:

– Что означает слово «раструб»?

Толстый дядька (по виду сантехник) вскинул руку, возвестил радостно:

– Труба канализационная!

– Интересная версия. Отвечу цитатой из «Записок охотника» Тургенева. Одет он был в пестрый архалук и серые панталоны с огромными раструбами, – парировал телевизионщик. – Трубы, что ли, канализационные таскал на себе?

Зрители захихикали. Ксюша, в радостном предвкушении, тоже вызвалась отвечать. А когда получила микрофон, зачитала по памяти из еще одной баб-Раиной книги:

*Продолговатый и твердый овал,
Черного платья раструбы.
Юная бабушка! Кто целовал*

Ваши надменные губы?

Будто про нее написала поэтесса Цветаева. Она ведь тоже, в свои восемнадцать, себя старухой чувствовала. Одинокой и бесприютной.

Все три студийные камеры обратились на нее. Студию накрыло молчание.

Ксюша смущенно улыбнулась, стряхнула с себя наваждение. Сказала:

– Я, когда прочитала, подумала, что раструбы – типа, блестки такие. Но потом специально посмотрела в словаре Ожегова: раструб – это расширение в виде воронки. Видно, фасон у платья такой. С подолом и рукавами-трубами.

– Как звать вас, образованная и милая девушка? – тепло улыбнулся ведущий.

У Ксюши фамилия – такая же, как она сама. Обычная, безликая. Но сейчас, в свете софитов, при всеобщем внимании произносить ее не хотелось. Так что вспомнила добрую бабу Раю и с достоинством отозвалась:

– Ксения. Ксения Раевская.

* * *

Ксюшу могла бы сейчас разыскивать полиция всей страны. Однако писать заявление баба Рая категорически отказалась:

– Пусть совесть для нее худшим наказанием станет.

– Нету у таких совести, – пробурчала дочь.

Но чтоб делу дать официальный ход – не настаивала.

Причины имелись веские.

Когда мать прилегла вздремнуть, дочка перетряхнула все книги, обнаружила в томике Достоевского купюры. Да и забрала похоронную записку себе. Рассуждала: родную кровь никто не заподозрит, а вот Ксюше оправдаться окажется очень сложно.

Муж, когда узнал, осудил:

– Что-то ты через край хватила.

Она огрызнулась:

– Сам говорил: от девчонки избавиться надо. Разве плохо придумано? Все улики против нее: в комнате одна была. Фотографию сперла на наших глазах. Нахамила.

– Для уголовного дела не хватит, – нахмурился супруг. – Так что деньги верни. В другую книгу переложи. А то сама за кражу пойдешь.

И через пару дней сам позвонил теще. Подсказал: посмотреть не в Достоевском, где обычно прятала, а в книжке рядом. Там и нашлись, все до столбика.

– Вот помять проклятая, – страдала старуха. – Сама забыла, а на Ксюшу подумала!

Попыталась девушку найти.

Но родители сказали: в Москву сбежала и сгинула, знать о себе не дает. Телефон заблокирован – видно, симку сменила.

Баба Рая ходила в парк, где Ксюшины дружки собирались. Те про нее тоже не ведали, но предположили: уехала куда-то проституткой работать.

Старуха совсем расстроилась. Юбилей на носу, а настроения совсем никакого. Резала – сама – салаты, слезы смахивала.

...Когда в день рождения в дверь позвонили, бросилась радостно. Надеялась: Ксюша приехала. Или хоть весточку прислала.

На пороге действительно стоял почтальон.

Но послание оказалось совсем от постороннего человека.

* * *

Про столичные нравы Ксюша наслышана. Поэтому, когда после съемок к ней подошел красавец-ведущий, сладко улыбнулся и позвал на кастинг, сразу напряглась. Хмыкнула:

– Где кастинг-то? У вас в сауне?

Он улыбнулся:

– Ты не замужем, я надеюсь?

– В наложницы не пойду, – отрезала.

– Ты им точно понравишься.

И рассказал: на Центральном канале сейчас девушек в новое реалити-шоу набирают.

– У тебя интересный типаж, советую сходить.

– А про что шоу? – заинтересовалась.

– Названия пока нет. Суть в том, что лучшую невесту России хотят найти. Прямой эфир, программа сразу после Нового года пойдет, по выпуску в день.

Ксюша развеселилась:

– Я, конечно, в лучшие невесты страны первый кандидат.

Вспомнила, как отец прикладывал, повторила:

– Ни рожи, ни кожи.

От себя добавила:

– И живу в хостеле.

– Значит, точно сходи. Не победишь – хоть перекантуешься. Участниц в хорошем отеле селят. Стилисты, парикмахеры, педагоги по хорошим манерам. Чего теряешь – просто попробовать?

– А с подругой можно?

– Да хоть с десятком. Вот телефон, звони.

* * *

Рыженькая ее соседка по комнате подошла к мероприятию со всей серьезностью. Каблуки, прическа, маникюр. Ксюша в успех не верила и забивать себе голову не стала – отправилась в джинсах.

По какому принципу отбирают, редактор программы не сказал, поэтому новая подруга пугала:

– Хороша ты будешь в кедах и худи жалком, если по подиуму заставят ходить!

– Меня еще до подиума отсеют, – усмехнулась Ксюша.

Заполняла анкету – уже приуныла. Образование – среднее, на сплошные тройки. Никаких тебе танцевальных, музыкальных и прочих школ. Спортивные разряды отсутствуют, ни в каких других конкурсах не побеждала и даже не участвовала.

Когда вызвали на собеседование, вошла вразвалочку. Перед комиссией (пять человек важных-строгих) робеть не стала.

– Опиши себя в трех словах, – попросили.

– Плевала на всех. Хотя сорян. «На» – неполноценное слово, предлог. Тогда: «категорически плевала на всех».

Отборщики переглянулись. Но сразу вон не послали. Спросили:

– Крылова в школе учила?

– Не, в школе нет. Но про волка с ягненком могу.

Вспомнила, как когда-то запинаясь, бубнила перед противным деятелем культуры, и сейчас решила не тушеваться. Когда забывала слова, придумывала от себя:

– Как смеешь ты своим... дурацким, мерзким, рылом... здесь... водку! чистую мою мутить с песком и илом! За дерзость такову... я в лоскуты порву!

– Спасибо. – Остановили.

И тут уж отправили вон.

А на следующее утро позвонили:

– Вы прошли. Приезжайте заключать договор.

Рыженькая подруга (ее не взяли) рвала и метала:

– Ксюха, ну ничего себе! Какая из тебя невеста?!

– Да мне и не надо это! Зато в отеле приличном поживу на халяву!

Неплохой вариант, чтобы в праздничные дни в хостеле не сидеть.

Заселяться надо было двадцать пятого декабря. До Нового года подготовка – а потом, со второго января, на всю страну греметь. В прямом эфире.

Ксюша не ожидала, насколько все круто в телевизионном мире. Мало того что гостиницу хорошую оплачивали, еду в ресторане – еще приставили стилистов, визажистов, водили в огромные помещения, забитые одеждой, – наряды выбирать.

Наряжалыщики людьми оказались довольно приятными, искренне старались Ксюшин имидж облагородить. Она честно пробовала: примерять юбки ниже колена, скромные кофточки. Но смотрелась в зеркало, расстраивалась: не она это – в одеждах, словно у школьной училки, с изысканным макияжем, волосами, завитыми в локоны. Будто волк в ягнячьей шкуре.

К счастью, окончательный выбор – по правилам реалити-шоу – оставался за участницей. Поэтому плюнула на советы стилистов. Выбрала для съемок джинсы, юбки короткие. У парикмахера потребовала: затылок выбрить, а пряди сверху в три разных цвета покрасить.

Редакторы пытались увещевать:

– Ты действительно в таком виде думаешь мужа найти?

Усмехалась:

– Кому надо, тот разглядит.

Про себя думала: хоть в перья павлиньи обрядись, никто ее все равно в жены взять не захочет.

Ни рожи, ни кожи. Не поет, не танцует, на языках иностранных не говорит. И даже готовить ее пьющая мама не научила.

* * *

К съемкам готовились, как всегда на телевидении, в режиме аврала. Выходной съемочной группе и конкурсанткам дали только на сам Новый год, а первого января после обеда всем снова к станку.

Остальные участницы упорхнули по домам и светским мероприятиям. Но Ксюше идти было некуда. Лучше одной в номере, чем встречать бой курантов в хостеле, под завистливым взглядом неудачливой ее соседки.

Купила себе маленькую бутылочку шампанского. Посмотрела телевизор. Под бой курантов загадала: чтобы в шоу победа.

Но когда Новый год наступил, посмотрела на себя в зеркало и поняла: бессмысленно несбыточное желать. В сравнении с прочими участницами – умницами и красотками – шансов у нее все равно нет.

* * *

Какими будут конкурсы, говорили только в день съемки. Ксюша, впрочем, понимала: какое задание ни дай, все равно она конкуренткам проигрывает.

Так что веселее – просто прикалываться.

Она ведь хотела когда-то в актрисы – вот и попробуем. Как там тетя Рая говорила? Комическое амплуа.

На первом конкурсе – его снимали второго января – надо было изображать из себя светскую львицу. Вечернее платье, туфли парадные.

Ксюша ковылять на шпильках никогда не умела, но специально взгромоздилась на каблуки под пятнадцать сантиметров высотой. Шатало ее на них, словно пьяную. Да еще и паркет в красивом зале оказался скользкий. Ковыляла, спотыкалась, а потом и вовсе позорно грохнулась.

Родным, трехэтажным отреагировать на ситуацию нельзя – все-таки прямой эфир на всю страну. Но когда выдала реакцию – насчет «проклятых дерьмоступок» – режиссер ей большой палец показал.

И ведущий иронически похвалил:

– Эпатаж – наше все.

По формату шоу зрители могли голосовать за кандидаток в режиме онлайн. Ксюше тоже прилетело – целых девятьсот пять голосов, против многих тысяч у соперниц.

– Жалостливых людей в стране оказалось не так и мало, – сказал по этому поводу ведущий.

На следующий день невест отправили на светский ужин.

Ксюша, как увидела хрусталь, белоснежные скатерти, вилок разных с ножами штук по десять на каждого, непосредственно отреагировала:

– Ничего себе наборчик! Пару-тройку точно можно потырить.

Прочие девы манерно разделявали перепелочек – она разрывала руками. Устричный соус пролила. Бокал с шампанским разбила.

Конкурентки поглядывали снисходительно. Ведущий тоже подкалывал:

– Ксюша, ну попробуй все-таки справиться с устрицей!

Но она так и не смогла вытащить из раковины холодное, маслянистое тельце, и отрыв между ней и остальными участницами увеличился еще драматичнее.

В очередной съемочный день невесты демонстрировали таланты. Ксюша сказала, что будет петь караоке.

Выбрала свой любимый «Владимирский централ». В ноты нещадно не попадала, но запевала громко, от души.

А прочие девушки играли на музыкальных инструментах, исполняли бальные танцы. Одна – ученица художественной школы – прямо перед камерами портрет ведущего нарисовала. Льстивый, приукрашенный.

Ксюша теперь настолько явно плелась в хвосте, что даже конкурентки ее нарочито добрыми голосами утешали. А ведущий – перед новым съемочным днем – жалостливо сказал:

– Задания сегодня несложные. Надеюсь, хотя бы здесь Ксюша тоже сможет себя проявить.

Но в конкурсе кулинарных талантов ей выпало: блины перед камерой испечь.

Сроду не умела. Рецепт лихорадочно искала в Интернете. Тесто смастерила жидкое, но при этом с комочками. Костерил на чем свет стоит «долбаную сковородку, с которой ни хрена не снимается». Блинчики получились кособокие, горелые. Когда в конце съемок все – перед камерами – угощались, их даже пробовать никто не стал. Предпочли салаты с креветками-авокадо, меренги и желе «а-ля Паризьен» от остальных участниц.

Конкурсантки ехидничали:

– С нашей Ксюшей даже соревноваться неинтересно.

Она не спорила. Даже спрашивала у телевизионщиков: какой смысл продолжать ее снимать, если все равно отсеют?

– Формат программы такой. Тебе, что ли, плохо?

Это да. Пусть прочие девицы раздражали безмерно, но в целом – жизнь нормальная. Гостишка крутая, кормили вкусно. Да и когда на тебя камеры нацелены, все вокруг суетятся – тоже приятно.

Последний конкурс назывался «Я глазами других». Участницам сказали: на съемку пригласят тех, кто может о них рассказать. Конкурсантки лихорадочно взялись предупреждать – родителей, бывших школьных учителей, подружек с самого детства, тренеров, соседей. Одна очень просила ее собаку в студию привезти:

– Чапик меня любит больше всех, до смерти залижет перед камерами!

Ксюша совсем приуныла. А что про нее можно поведать? Алкашей-предков позвать? Учителей школьных – кого изводила? Бойфренда-наркошу?

Сказала уныло редактору программы:

– Можно, сама уйду?

Но тот отрезал:

– По договору у тебя пять съемочных дней. Снимем последний – тогда и катись куда хочешь.

* * *

Ксюшину съемку в расписании поставили последней. Но по правилам шоу обязана была присутствовать с самого начала – в специальной комнате ожидания. Смотреть на конкуренток. Демонстрировать реакцию. Прочие девушки, когда показывали их товарок, изображали восторг и поддержку. Мило улыбались, хлопали, восклицали: «Какая умничка!»

Ксюше подобная фальшь поперек горла. Глупо ведь демонстрировать восхищение, если девицы тебя бесят?

Поэтому, сидя вместе со всеми, базар не контролировала.

Про одну из фавориток мама рассказывала:

– Она у меня с детства трусишка, но всегда боролась со страхами. Как боялась машину водить – а все равно научилась. Высоту не переносит – но переломила себя, даже с парашютом прыгала.

Прочие «невесты» галдят:

– Вау! Круто!

Ксюша говорит ехидно:

– Да лучше вообще машину не водить, если теперь по страховому случаю каждый месяц. И с парашютом она прыгала единственный раз, да и то не по-настоящему. Прыжок в тандеме. Тоже мне, подвиг. Висеть под пузом инструктора безвольной сосиской.

Внизу экрана бегущей строкой показывали зрительские реакции, и Ксюша даже с каким-то внутренним удовлетворением собирала все больше и больше гневных рожц в свой адрес.

А еще понимала, что из шоу ее не просто выгонят – попрут с позором на всю страну.

Редакторы программы не говорили, кого именно они пригласят повествовать о героях. Но о прочих девушках рассказывали люди, исключительно к ним благожелательные.

А ей кто достанется? Вдруг химичка школьная (ей Ксюша жабу в сумочку запихивала)? Или папаша – как обычно, с бодуна?

Перед тем, как вызвать ее в студию, ведущий огласил предварительные итоги.

По результатам предыдущих конкурсов лидировала эффектная блондинка-москвичка. (Бальный танец и меренги «по нашему фамильному рецепту.») Вслед за ней шла еще одна идеальная – та, что парашютистка. Дальше, с небольшим отрывом, все прочие. И самая последняя – Ксюша.

«Я никогда и не хотела невестой быть. Тем более идеальной», – успокоила себя.

Расправила плечи. Вздрыбила на голове разноцветные пряди. И решительной походкой ступила в студию.

– Итак, Ксения Раевская, – приветствовал ведущий.

Когда на конкурс вызывали предшественниц, на гостевых местах уже сидели их родители, тренеры, друзья, учителя. Сейчас диванчик оказался пуст. Только елка новогодней гирляндой мерцала.

– Нет совсем никого, кто мог бы о вас рассказать? – сочувственно осведомился телевизионщик.

– Ну... я сама виновата. Так жизнь свою построила, – признала честно.

– А вот ваша фамилия... Раевская... Это ведь псевдоним? – спросил вкрадчиво. – В честь кого?

– Соседка у меня была, – буркнула Ксюша.

– Итак, та самая соседка. Раиса Степановна! – провозгласил торжественно. – Прощу в студию!

Ксюша опешила.

Баба Рая – смущенная, взволнованная, принаряженная – вышла под софиты. Увидела девушкин бойцовский наряд (рваные джинсы, каблуки, радикальная прическа). Неодобрительно нахмурилась.

Ведущий подхватил ее под руку. Провел к диванчику:

– Итак, Ксения! Что вы можете о ней рассказать?

Баба Рая вдруг всхлипнула.

Но быстро взяла себя в руки. Утерла глаза и сказала:

– Ксюша – это, конечно, нечто. Она меня просто шокировала.

* * *

В день юбилея почтальон принес бабе Рае заказное письмо. Штамп на конверте заграничный, из города Парижа. В конверте – открытка диковинная, с цветами выпуклыми, старуха сроду таких не видела. И от руки приписано: «Happy birthday, grand-ma Raya!» («С днем рождения, бабушка Рая!»).

Подписано – «Рауль и его семья».

Сроду у нее никаких знакомых Раулей, тем более из Парижа.

Но откуда-то узнал – и про нее, и что восемьдесят лет ей исполняется.

На следующий день – новые сюрпризы. Почтальонша притащила четыре посылки. Из Варшавы, чешского города Брно, немецкого Креффильда и болгарского Ахтополя. Поляки прислали конфеты с ликером, чехи – вафли в подарочной упаковке. Немцы – кулончик в виде сердечка, болгары – крем для рук на розовом масле. И все – с днем рождения поздравляют!

Наваждение просто.

Послание из Ахтополя было написано по-русски. Школьник Руси, после пожеланий здоровья и всего наилучшего, сообщал, что он изучает язык на школьных уроках. И телефон свой оставил: «Буду рад с вами пообщаться!»

Модными мессенджерами старуха пользоваться не умела, поэтому заказала обычный междугородний звонок. И первым делом спросила мальчика:

– Откуда ты про меня узнал?

– В Интернете прочитал. Что у вас круглая дата, и вы очень хотели бы со всего мира поздравления получить! Там и фотография есть, вы на ней такая хорошая, прямо как моя собственная бабушка!

– А кто ж это написал про меня в Интернете?

– Какая-то русская девушка по имени Ксения.

– Ксюша! – ахнула баба Рая. – А на фотографии – я, наверно, с букетом цветов, да?
– Да, такие красивые. По-русски они называются ромашки.

Баба Рая всхлипнула.

– Почему вы плачете? – затревожился мальчик.

– Это я от счастья, – пробормотала старуха.

... Она получила еще восемьдесят семь посылок и писем – со всех уголков света: из Америки, Канады, Австралии и даже с далекого острова Мадагаскар.

И сейчас с восторгом рассказывала:

– У меня ведь и собственная дочь есть. Но она на день рождения даже приехать не смогла, только позвонила, поздравила! А тут человек чужой такой праздник организовал!

– Как у вас получилось? – обернулся ведущий к Ксюше.

– Да, вообще, фигня вопрос, – буркнула. – Сперла у бабы Раи ее фотку любимую. Не попросила, а именно украли. Чтоб сюрприз получился. И разместила в Интернете. Везде. В социальных сетях, на сайтах благотворительных. Специально написала: помощи не просим, никаких денег. Просто сделайте, пожалуйста, человеку приятное. Баба Рая заслужила.

– Я прожила восемьдесят лет. И банкеты были, и на работе чествовали. Однажды в свой день рождения даже в санаторий ездила. Но Ксюшин праздник оказался лучшим в моей жизни, – с чувством произнесла старуха.

...Режиссер, редакторы, администраторы сидели в аппаратной. Наблюдали за съемкой. Обычно в их комнатухе довольно шумно, но сейчас все сидели молча. Только компьютерщик вдруг вскинулся, выкрикнул:

– Сайт подвисает.

– Что-о? – обернулся к нему режиссер.

– Да не, процесс под контролем. Просто нагрузка сумасшедшая. Народ осатанел. Вся страна за Ксюшу голосует.

Результаты на большом экране монитора, и правда, стремительно изменялись. Вот она уже не последняя... теперь третья от конца... а теперь врывается в тройку лидеров.

– Сделала шоу девочка, – довольно усмехнулся главный редактор.

Молодой, неженатый режиссер усмехнулся:

– Может, мне самому ее замуж позвать?

Главный редактор отозвался:

– Подумай. Но пока что от нашей съемочной группы будем ее во ВГИК рекомендовать.

Татьяна Устинова

• На пороге •

День начался ужасно. Мы все вскочили ни свет ни заря, а я этого терпеть не могу! После многолетней работы на телевидении, когда нужно было «уходить в монтаж» на ночь, сидеть перед монитором на продавленном стуле, из которого во все стороны вылезали поролоновые внутренности, накрывшись с головой шерстяным платком – от холода, поедать булку с сосиской – от голода, курить одну сигарету от другой, есть растворимый кофе ложкой из банки и запивать теплой водой из-под крана, чтобы не заснуть, – вот после всего этого встать в полшестого я не могу. Мне плохо. Меня тошнит от вида детей и от запаха кофе. Радостные всхлипывания, подвывания и слоновьи прыжки собаки – ура, ура, уже утро, все встали, сейчас гулять поведут! – вызывают во мне отвращение. Бодрый утренний голос мужа, живо интересующегося – не постирала ли я его пропуск на работу вместе с рубахой? – заставляет меня задуматься о бренности всего сущего.

Я не хочу. Не хочу я!

Перспектива тоже была не радостной.

Женька уезжает в командировку и придет неизвестно когда – как пойдут испытания. Может, вечером, а может, через неделю. У младшего в школе утренник, и про костюм зайчика мы с бабушкой, ясен пень, забыли. Да и хотелось ему вовсе не костюм зайчика, а костюм пирата. По этому поводу происходят некоторые рыдания и метания. У старшего в институте очередная тур КВН. Сценарий он написал, конечно, но никто, никто не оценил его, сценария, великолепия. И Мишка теперь слоняется в трусах, хотя давно пора уезжать, и пребывает в томности – то ли сценарий сию минуту переписать, то ли объявить всем, кто будет в этом КВН играть, что они дураки и ничего не понимают в большой русской драматургии – ну в том смысле, что он там понаписал.

Ну ма-ама!.. Ну сделай что-нибудь!.. Ну Та-аня! Ну пропуск-то где?!

Сейчас. Just a moment. Всегда готова.

Кофе убежал на плиту, и теперь по всему дому воняет жженой резиной, мне нужно не то чтобы навести красоту, но хотя бы прикрыть наготу, ибо у меня историческая встреча с издателем. Он начинает работать в восемь утра, он собранный, хорошо организованный, деловой человек, и наплевать ему, что мне легче переночевать на пороге его кабинета, чем с Рязанского шоссе переть к нему на Ленинградку к десяти по всем декабрьским пробкам!..

Я несобранная, плохо организованная и ни фига не деловая, вот такая я! И еще он мне сейчас всыплет за то, что я опять опаздываю с романом.

Тут как раз собаку стошнило. Стошнило ее в тот самый момент, когда я уже почти вырлила на старт, дыша духами и туманами, и на шпильках. Кто не пробовал мыть полы на шпильках, тот ничего не понимает в жизни!

В общем, я рыдала всю дорогу до издательства. У меня ничего не получается, ничего! Мне уже сорок лет, а я так ничему и не научилась. У меня безответственные дети и инфантильный муж. Мама, видимо, впала в склероз – костюм зайчика-то был забыт! Сестре нет до меня дела. Романы я пишу долго и плохо, издатель недоволен, и сейчас он мне всыплет.

Мне не место среди всех остальных, умных, собранных и деловых людей, назначающих встречи на десять. Они живут совершенно другой жизнью. У них наверняка есть... *особые условия*. Их всех оберегают, окружают любовью и заботой, создают вокруг них уют, красоту и беспечность, как-то так.

Зареванная, торжественная, почти окончательно решившая удалиться от мира в обитель на Белом море, прикрыв очками глаза, чтобы не слишком походила на пожилого сенбернара, опоздав на полтора часа, я воздвиглась в кабинет издателя.

Он удивился немного – у меня на самом деле был странный вид, а про обитель он не мог догадаться, конечно.

«Я хотел показать тебе сводки, – сказал издатель и сунул мне в руки растрепанную папку. – Смотри. Роман, с которым ты так долго мучилась, везде в первой десятке. Ты смотри, смотри! И у оптовиков, и в магазинах, и в рейтингах. Ты молодец, – сказал мне издатель. – Не зря мучилась».

Потом я три часа ехала домой, с Ленинградки на Рязанку, лелея мысль о том, что я молодец. Ну, видимо, не все еще пропало!

Дома металась виноватая мама, некстати забывшая про зайчика, и пахло пирогом. Мама изо всех сил стремилась загладить свою ужасную вину и улучшить мне настроение. Тимофей объявил, что в полугодии у него по английскому «вырисовывается пятерочка и Ольга Викторовна его хвалила». Мишка позвонил и очень деловым тоном сообщил, что задерживается, ибо у него репетиция КВН, сценарий полностью одобрен, осталось теперь только хорошо отыграть. «Вы с папой придете на финал, мам?..»

«Ну конечно, придем! Если папина установка будет работать, а меня не вызовет на ковер издатель».

И вообще – скоро Новый год.

А Новый год приходит без всяких *особых условий*.

Евгения Михайлова

● Рыжик ●

Он был нежеланным ребенком. Виктория жила с этой мыслью семь месяцев, с того дня, когда ей подтвердили, что она на самом деле беременна. Тогда было всего восемь недель и имелась возможность любого решения. Жестокий выбор по отношению к другой, уже зародившейся жизни – да или нет. Совершенно ясно для Вики было только одно: это ее выбор. У Романа уже есть сын, да и жена, впрочем. И его жизнь, как и репутацию, не украсит и не обогатит беременная любовница на работе. Роман был главным редактором глянцевого журнала, Виктория – ведущим репортером.

Сообщать Роману «радостную» весть было нелепо. Его отношение может быть лишь очевидным: виновата она, они договорились, что она пьет противозачаточные таблетки, а в те дни закрутилась, не купила, не приняла и ничего ему не сказала. Ни в коем случае не хотела его подловить и портить обе жизни – его и свою. Просто расслабилась: так уже было, и ничего, обошлось.

Виктория сразу записалась на аборт. За несколько дней до операции стала покашливать в присутствии Романа и жаловаться на простуду.

– Ты не возражаешь, если я сдам материал и несколько дней полежу дома? – спросила она у него.

– Господи, что за вопрос. Ты можешь его прислать из дома, как тебе удобно. Давай я тебя прямо сейчас отвезу?

– Да нет, я сама. У меня тут еще дела.

И в назначенный день она ему позвонила, сказала, что лежит с небольшой температурой. Ее честный организм тут же превратил ложь в правду: температура на самом деле поднялась. До операции оставалось часа четыре. Виктория укуталась в одеяло, свернулась в плотный комочек и попробовала забыться на пару часов, усыпить эту тяжесть вынесенного приговора. Кому? Да пока никому. Его еще нет, он еще ничего не чувствует и не понимает. И позитивный смысл в том, что он не узнает, как горько быть нежеланным ребенком.

Почему она с первой минуты думала, что это мальчик? Наверное, потому, что у Романа может быть только сын. Он герой-любовник и мужчина-победитель. По крайней мере, такова его жизненная роль. Виктория уснула, а проснулась в темно-оранжевом луче тяжелого осеннего солнца. Ее тело было горячим, влажным, а там, внутри, плавала золотая рыбка, кусочек совсем другой жизни. А перед глазами блеснули холодной сталью страшные хирургические инструменты. Она не смогла подняться в тот день. И просто перенесла операцию. И так переносила, пока не стало поздно. Не нашла в себе силы потерпеть полчаса, чтобы потом не мучиться всю жизнь. В этом обвиняла она себя. Ситуация казалась такой жестокой, что она меньше всего думала о том, что навсегда потеряла Романа. Ее страдания были особыми, глубокими, интимными – такими не делятся с другим человеком, если он не самый близкий, не самый родной. А Роман какой угодно, только не родной. Заодно и это стало очевидным.

Когда беременность уже нельзя было скрывать одеждой, Виктория поговорила с Романом. Изложила все четко и сухо.

– Я правильно понимаю, что для нас обоих возможен лишь один выход: я увольняюсь?

– К сожалению, – ответил он. – И я не понимаю, почему ты выбрала такое решение. Я очень привязан к тебе, ценю твой талант, восхищаюсь тобой как прелестной и оболстительной женщиной. . . И мы не собирались все ломать. Что это за судьба – мать-одиночка. . . Что за жизнь для ребенка. Но ты взрослый человек, надеюсь, справишься. И, конечно, в трудную минуту ты всегда можешь обратиться ко мне.

– Конечно, – кивнула Виктория.

И подумала о том, что Роман будет последним, кто узнает о трудных минутах ее нелепо выбранной судьбы.

Получив расчет, Виктория обнаружила, что Роман в меру щедро оценил ее достоинства работника и обольстительной женщины, а также корректность поведения в сложной ситуации.

Ну что ж. Она вообще человек долга. Справится и с собственным отношением к нежеланному ребенку, раз не смогла убить его. Он никогда не узнает, что бывают другие дети – желанные. У него уже было имя – Антон.

Но судьба отблагодарила ее более щедро, чем Роман. Все изменилось в одну минуту, когда Вика вынырнула из боли и самого тяжелого напряжения за всю свою жизнь. Измученная, обессиленная, угнетенная сознанием, что с покоем покончено навсегда, она ждала в общей палате первого кормления. Всем приносили свертки с красными одинаковыми личиками. А у ее груди задышало, засопело солнышко. Малыш был рыжиком с золотистым пухом на круглой головке, упоительными сладкими глазками и светлой кожей, какие и могут быть только у рыжиков. Виктория всегда считала, что рыжеволосые люди отмечены как носители особого ума и характера. У Романа, кстати, темно-рыжая шевелюра. Только глаза у него карие. А у маленького Антона они со временем потеряли младенческую голубизну и стали ярко-зелеными.

Короче, Вика так долго готовилась к тому, чтобы скрывать свое равнодушие к нежеланному ребенку, затем, начитавшись всяких книг и статей в интернете, собралась скрывать свое непреодолимое обожание золотого чуда. И, наконец, решила: а пошли вы все. Буду любить, как получается, на всю катушку, и ни капельки не скрывать это ни от людей, ни от объекта, который кажется венцом нежности и прелести. Любовью можно испортить? Да ради бога. Это все, что она может сделать для того, кого хотела убить. Заодно узнаем, можно ли портить любовью.

А дальше все пошло, как и должно быть у человека, способного организовать себя и создать новый порядок после разрушения прежнего. Вместе со всем, что Виктория оставила в прошлом, в опечатанном архиве для технической памяти застыл такой экспонат, как ее смятение. А рядом ее жертвенное решение прожить оставшуюся жизнь в дискомфорте нелюбви, обрекая на такое прозябание и другое существо. Теперь все было на своих, качественно новых местах. И на двух главных они оба – Виктория, богатая своим приобретением и несомненным восторгом, несмотря на все сложности, и Антон, малыш-открытие, который уже приобретает важность и покой маминого баловня. Его душевный комфорт приносит плоды. Мальчик только учится ходить и говорить, а в его взгляде, во всем облике столько доверия и доброжелательности ко всем, совершенно чужим людям. Он хочет только дарить и получать подарки. Со временем станет ясно, хорошо ли это. Но Виктория убеждена в том, что детство ее сына должно быть чистой и золотой мелодией. Дальше будут трудности, наверное, но появятся и крепнущие силы.

Она сама легко устроилась на работу в конкурирующий глянцево-журнал. И оценила преимущества работы с главредом-женщиной, сухой и деловой, как титульный лист бизнес-плана. Виктория должна была просто хорошо работать, быть обязательной и нормально выглядеть. И никаких личных отношений, переживаний и потребности кому-то казаться обольстительной женщиной.

Родственников в Москве у Виктории не было. Нина Павловна, редактор, согласилась с ее индивидуальным графиком: три часа в офисе, сбор материала по усмотрению Вики, а в остальное время она работает дома, всегда на связи. И пришлось, конечно, изучить институт нянь. Виктория их отбирала, как космонавтов для полета на Венеру. И все равно часто и решительно отказывалась от услуг, если ей казалось, что у няни в отношениях с ребенком не хватает теплоты, внимания или уважения. Сам Антон никогда ни на кого не жаловался. Но Виктория с изобретательностью и подозрительностью матери-волчицы договорилась с известным в тусовке частным детективом Кольцовым, и он навтыкал ей скрытых видеокамер в квартире, как для слежки на особо охраняемом объекте.

– Мой тебе совет, – сказал ей Сергей, выполнив работу. – Когда будешь увольнять очередную жертву, назови безобидный и ложный повод. Лучше всего: ты сама будешь все время дома. И, конечно, ни слова о слежке. Сарафанное радио – жестокая штука: если кто-то узнает о нашей системе, тебя начнут обходить, как чуму. И не факт, что только плохие люди.

– Я понимаю, – ответила Вика. – А ты сам как считаешь, моя подозрительность ненормальна?

– Убежден, что именно так и должна выглядеть норма, когда речь идет о ребенке. Взрослый человек вынесет любую проверку. Если ребенок не справится с какой-то ерундой, это может быть драмой, скрытой до поры. У меня воз и тележка таких историй. А парень у тебя классный. И он очень непростой, этот рыжик. Но только ты выбираешь ему человека для постоянного контакта. Это не должно стать его проблемой или бедой.

У Виктории от этих слов привычно замерло сердце, как всегда, когда кто-то отмечал необычность ее сына, – от гордости и страха. К четырем годам Антон очень отличался от большинства своих сверстников. Безудержное, щенячье веселье и лукавое озорство временами сменялись не просто сосредоточенным любопытством, но и поиском ответов и нужной информации. Мальчик иногда бывал задумчивым и даже отрешенным. Когда Виктория читала ему книжки или они вместе смотрели кино, ее поражала его способность входить в сюжет, в вымышленные обстоятельства, переносить на себя выдуманные сложности. И, главное, у него была готовность сострадать, даже страдать со всем пылом своего нежного сердечка. Виктории нередко случалось допоздна сидеть рядом с сыном на его кровати, успокаивать, утешать, развлекать, гладить взмокший от волнения лобик, целовать горячие ладошки. Она даже поехала с мальчиком к одному довольно известному психологу.

– У нас нет никаких особых проблем, отклонений, – сказала ему Виктория. – Просто в Антоне как будто живут разные дети. Веселый, коммуникабельный, доверчивый – и вдруг очень осторожный, со страхом то ли боли, то ли несчастья. Но у него не было ничего плохого в жизни. Он только из сказок и фильмов знает о чем-то подобном. И эти периоды задумчивости, поиски ответов на серьезные вопросы... Иногда он хочет быть один. Мне даже приходила мысль о том, что это какой-то след аутизма.

– Антон, разумеется, здоровый ребенок, – сказал профессор после часового общения. – Здоровый ребенок, из которого растет глубокий человек. А такие люди знают многое о боли и печали без собственного опыта. Это воображение и тонкая, подвижная психика. Что касается следа аутизма, то это расстройство как раз связано с дефицитом зеркальных нейронов в мозгу, что обрывает связь человека с другими людьми, возможность их понимания. Но в смысле ощущения собственной потерянности или страха перед открытым пространством в какой-то степени мы все аутисты, если кожа слишком тонкая, а душа такая незащищенная, что страх боли острее самой боли. У мальчика прелестный характер, но сложности в общении с другими будут, вы и сами понимаете. Обращайтесь. Я всегда готов к сотрудничеству.

Одно дело – долгосрочный и смутный прогноз, и совсем другое, когда реальность врывается в устойчивый и защищенный порядок, как снаряд из вражеского орудия. К такому нельзя быть готовым.

В тот день Вика не пошла на работу. После завтрака они с Антоном отправились на прогулку. Был чудесный, ясный и нежный осенний день, раскрашенный в багрово-золотистые тона. В большом дворе они почти никого не встретили, даже детей на игровой площадке. Так бывает после очередного объявления об ухудшении эпидемиологической ситуации. Вика с Антоном использовали эту прогулку в качестве очередной игры-занятия. Сначала она смотрела на предметы, деревья, кусты, уцелевшие, самые стойкие цветы на газонах и называла их по-английски. Антон переводил ее слова на русский. Затем наоборот. Иногда мальчик сознательно находил такие слова для перевода, которые по смыслу подходили, но звучали очень забавно. Он весело смеялся, а Вика с ненасытной влюбленностью ловила зеленые лучи его

счастливых глаз, ласкала взглядом открытый розовый ротик, каждый зубик, за который отдала бы все, лишь бы никогда ничего не болело, лишь бы смех не сменялся стоном или плачем.

Одно место во дворе было у них любимым. Там жители подъезда поставили три деревянных домика для бездомной кошки, которая родила целый выводок котят. Кошка была очень приличная и бывшая домашняя, на улице она оказалась после смерти хозяйки. Ее детки, за которыми ухаживали сердобольные люди, были веселыми и пушистыми. Антон всегда брал из дома кусочки нарезанного сыра или пакетик кошачьего корма, чтобы положить в мисочки. Один котенок всегда мчался к нему первым. Самое смешное, что котенок был рыжим. Его так и назвали Рыжик. «Мы тезки», – смеялся Антон. Виктория понимала, что ребенок только из деликатности не просит ее пока взять Рыжика домой. Она про себя уже решила, что ближе к холодам они возьмут Рыжика, но оттягивала это событие. Большая ответственность, пусть пока поживет с мамой.

Кошачьи домики окружала низкая металлическая ограда с калиткой, а дальше, за большим газоном и широкой дорожкой, была парковка для машин жильцов. Обычно котята не выходили за ограду. Но в тот день калитку кто-то забыл закрыть. Рыжик увидел Антона и полетел к нему, как оранжевый шарик с хвостом-трубой. В это время один из водителей выезжал с парковки на своем джипе. Рыжик, ошалев от свободы, пролетел мимо Антона, не сумел остановиться. Мальчик увидел машину и бросился за котенком. Разъяренный водитель со страшными проклятьями выскочил из машины, занес ногу над котенком... Антон упал рядом, прикрыв Рыжика собой. Грубый ботинок ударил его в спину, отбросил в сторону, и Антон тонко вскрикнул. Виктория, как в страшном сне, увидела кровь на его виске. Рядом в траве валялись грабли, которыми дворники сгребали сухие листья...

Виктория бросилась на колени рядом с сыном, прижала к себе ребенка, чувствовала под губами вкус его крови, горела в аду... А какая-то другая Виктория кричала и звала на помощь, звонила в «Скорую», в полицию, Сергею. Потом она обнаружила себя с ребенком в машине «Скорой», в больничном приемном покое, в палате... Через несколько часов усталый молодой врач доступно объяснил ей, как им повезло. Зубья грабеля лишь скользнули по виску, не затронули глаз, только повредили сосуды возле уха, на щеке.

– Хорошо, что ребенок такой легкий и, почувствовав боль, сильно дернулся. Он сам себя спас, – сказал доктор. – Я зашил под местной анестезией. Отправляю вас домой, сейчас менее всего безопасно в больнице. Вот мои телефоны, приедете через десять дней, если все будет в порядке. Я сниму швы. Пока, Рыжик. Береги себя, ты теперь мужчина с боевым крещением и шрамами.

Они вернулись домой, Виктория на руках отнесла мальчика на его кровать. И они, кажется, впервые с той самой страшной минуты посмотрели друг на друга спокойно, прямо, внимательно. И обнялись, как после долгой разлуки, во время которой между ними гремели бои, лилась кровь и мчались машины, развозя жертв в чужие и холодные места.

– Как же я соскучилась, – шептала Вика в розовое ушко в золотых завитках. – Как мне было страшно. Ты очень испугался, Тони?

– Нет, – ответил малыш. – Я не боялся, но мне было очень плохо. Я думал, что умираю. И что ты можешь не найти меня там, в больнице.

– Мое ты счастье. Мы сейчас начнем все исправлять. Я закрою двери на все замки, задвину шторы. Ты немного полежишь в теплой ванне, потом я что-то вкусное приготовлю, чтобы не нужно было особенно жевать. Молочно-шоколадный кисель хочешь? Потом я тебе почитаю. Потом ты поспишь, а я у тебя полежу в ногах, чтобы не мешать разлечься как следует. Так мы точно друг друга не потеряем. И на работу я теперь не пойду. Пока ты совсем не поправишься.

– Хорошо, – серьезно сказал мальчик. – Давай закроемся и спрячемся. Ты только узнай, что с Рыжиком. Его не убил тот дядька?

Когда Антон уснул, Виктория сначала позвонила соседке и узнала, что Рыжик в порядке, лежит при мамке. Затем объяснила все своей редакторше. Та сразу вошла в положение:

– Конечно, сиди дома. Мне как раз надо доложить, что я половину людей отправила на дистанционку. Но учти, Вика, работать надо на полную катушку. Придумывай, как добывать материал, сама. И будь на связи. Скажу бухгалтерии, чтобы тебе раньше перевели зарплату, и еще немного добавим. Если что-то очень будет нужно для ребенка: лекарства, какие-то особые продукты, – тоже организуем.

На следующий день к Виктории пришел участковый. Сообщил, что получил рапорт от наряда, который приезжал по ее вызову. Взял показания у Петра Коконова, водителя машины. Тот сказал, что не хотел ударить ребенка. Он сам подвернулся. И вообще, он вроде даже котенка хотел только отбросить от колес, чтобы не связываться с кошатниками. Он уже задавил одного, так кошатники закидали всех заявлениями, требованиями уголовного дела.

– А вы будете писать заявление?

– Да, конечно. Он врет. Он прекрасно видел, что ребенок прикрыл собой котенка. Вменяемый человек всегда может остановить занесенную ногу. Он не сделал этого. Он был в ярости. Если у него с головой не в порядке, пусть это решает суд. Я считаю, преступление состоялось. И мой сын не погиб только по счастливой случайности. Врач все напишет.

– Это понятно, – почесал голову участковый. – Но сейчас такие проблемы, это дело нам вряд ли дадут завести.

– Извините, не могу сейчас тратить время на обсуждение ваших проблем. Давайте поступим так: я посоветуюсь со своим юристом, а потом мы свяжемся с вами. Спасибо, что зашли.

Сергей приехал в тот же день, все выслушал, уточнил подробности, прочитал выписку из больницы, взял телефон врача.

– А теперь послушай меня, Вика. Я изложу то, что сейчас в ваших интересах. И это не влипать в муторные разборки с откровенным дебилом и замороченными следователями и судами. Не добьемся мы ничего сейчас в бюрократическом ключе. Не буду тебя грузить, но ситуация чрезвычайная, следователи разгребают смерти, убийства и самоубийства на самоизоляции. И с этим проблемы – ни свидетелей, ни нормальных показаний. А если ты на удаленке, значит, ограничена в передвижениях, да и Антона не захочешь оставлять наверняка. Делаем так: я собираю весь материал. Буду готов в любой момент, чтобы продавливать возбуждение дела. А параллельно пообщаюсь с этим налетчиком на котят и детей. Объясню ему на пальцах, почему он поступил плохо, что из этого может вытечь, и, возможно, найдем какой-то идеальный вариант, к примеру, его переезд в другой район.

– Это было бы здорово. Антон не говорит, но он даже на балкон не хочет выходить, и я вижу, что он боится увидеть этого типа. Но с какой стати он согласится переехать?

– Эту статью я и поищу. Перелопатим сегодня его творческую биографию. Я уверен, что мы там найдем то, чего бы ему не захотелось рассказывать. Дальше дело техники. Или суд. Ему это не нужно в большей степени, чем тебе. Я объясню ему, что срок реален. К тому же есть наши соратники – кошатники.

На том они и порешили. Через неделю Сергей сообщил, что понимание с Коноковым достигнуто. Кольцов даже предложил ему свою помощь в поиске варианта обмена жилья. Постарается найти подальше от этого района. «Мне главное, чтобы там не было дурдома с бешеными кошками и сумасшедшими мамашами», – сказал ему благодарный Коноков.

Виктории стали звонить знакомые. Новости о происшествиях разлетаются быстро. И однажды к ним домой приехала Алла, приятельница Вики с ее прежней работы. Посидели, попили чаю с тортом. Когда Антон ушел в свою комнату, Алла сказала:

– Роман спрашивал про вас. Просил узнать, может, что-то надо.

– Скажи, что ничего. У нас все в порядке.

– А ты слышала, что у него случилось?

– Нет, конечно. Что?

– Сын у него погиб около полугода назад.

– Боже. Что произошло?

– Разбился на машине. Только между нами, парень был очень проблемный. Ему было четырнадцать лет, а он уже плотно сидел на наркотиках. Короче, взял машину отца под дозой и влупился в грузовик.

– Ужасно. Не говори Роману, что ты мне рассказала.

А еще через пару дней Роман позвонил Виктории сам. Спросил, как здоровье ребенка, нужны ли хорошие врачи и лекарства, есть ли у нее деньги. Услышав, что у них все в порядке, немного помолчал и вдруг произнес:

– Вика, ты не будешь против, если я захочу вас навестить? Тебе может показаться это нелепым, но я все чаще думаю о твоём... о нашем малыше. Я видел только его фото на твоём «Фейсбуке». Когда увидел, что он рыжий, меня просто в пот бросило. Гены, как ни крути. Только он еще и красивый в отличие от меня. Так что? Ты как-то испуганно затихла.

– Да. Я не хотела бы этого, Роман. По крайней мере, не сейчас. У нас сложный период. Да и у тебя...

– Я понял, что ты уже в курсе. Да, у меня большое горе. Жена просто убита, мы почти не разговариваем. И я вдруг остро понял, что из близких людей у меня только ты и Антон. И какая это страшная ошибка, что мы так плохо расстались и я не был рядом, когда мальчик рос... Я прошу о милости, о милосердии, если ты поняла. Немного тепла...

И Виктория сказала:

– Да. Хорошо. Можешь приехать, только ненадолго, пожалуйста.

Она отложила телефон и подумала, что это ошибка, ложно понятая порядочность, участие, которого ей вовсе не хочется проявлять. У такой встречи не может не быть последствий. Но отменить уже ничего было нельзя.

Роман приехал через два дня к вечеру. Вошел в квартиру, элегантный и очень демократичный в черных джинсах и водолазке, на печальном лице нежная улыбка, в темно-рыжих волосах красиво блестит новая седина. В одной руке фиолетовая роза для Вики, в другой красивая коробка с какой-то игрой для Антона. В прихожей спросил тихо:

– Ты подумала о том, как меня представить? Извини за любопытство, но мне важно знать, что ты говорила сыну все эти годы об отце. Как принято: был космонавтом и погиб?

– Держу в голове эту версию, – улыбнулась Виктория. – Но у меня очень необычный мальчик. У него врожденное чувство деликатности и почти взрослое стремление во всем разобраться самому. Так что он не задавал мне этого вопроса, а я сама ничего пока не объясняла. Это пока избыточная информация. Которая ничего не меняет.

– Интересный подход. Но из него придется искать выход, и я рад, что мы сможем сделать это вместе.

– Абсолютно неверный вывод, Роман, – резко ответила Виктория. – И не существует у нас никаких «вместе».

– Мама, – раздался из комнаты голосок Антона, – кто к нам пришел?

И они с Романом вошли в гостиную, ни о чем конкретном не договорившись.

Антон спрыгнул с дивана и подбежал к ним, разглядывая гостя любопытными зелеными глазами. «Как котенок», – подумала Вика, привычно любясь сыном, и посмотрела на Романа с нескрываемой гордостью. А тот смотрел на ребенка серьезно и очень внимательно.

– Здравствуй, Антон, – протянул он ребенку руку, как взрослому мужчине. – Я Роман, друг твоей мамы. Давно мечтаю с тобой познакомиться. Давай для начала разберемся с этой сложной штуковиной. Мне сказали, это для самых умных и продвинутых детей. Если честно, мои старые мозги инструкцию не одолели.

– Ты так шутишь, Роман? – просиял мальчик улыбкой. – Давай разберемся.

Виктория несколько минут смотрела, как оживленно они раскладывают на диване и полу яркие детали игры. Ей страшно не хотелось пропустить ни одного слова из тех, которые произнесет Роман. Но ситуация становилась неестественной, и она легко сказала:

– Разбирайтесь и не торопитесь. Я пошла готовить ужин. У меня сегодня пирог с индейкой и гранатовый ликер. Для Антона гранатовый сок. И для всех пирожные.

Со стороны ужин мог бы показаться оживленной и радостной встречей приятных друг другу людей. Виктория и видела его со стороны. Уверенный в себе, доброжелательный и ласково-ироничный мужчина, она, мама-наседка и волчица, млеющая в лучах золотого ребенка, и маленький мальчик, который не сомневается в том, что он в кругу людей, которым нравится. Звенел голосок Антона, мило шутил Роман, и много улыбалась Виктория. И несколько часов ее напряженный мозг отсчитывал секунды, которые надо было вынести до завершения этого испытания. Да нет, этой пытки, и она может обернуться катастрофической переменой, взрывом всего. Тем вечером Виктория боялась лишь того, что появление Романа может изменить ее чудесные, доверительные, искренние отношения с сыном. Того, что она может показаться обманщицей в его детском понимании.

Но ужин закончился так же мило, как и начинался. Прощаясь с Антоном, Роман опять пожал его ручку, а потом так естественно притянул мальчика к себе и коснулся губами золотого завитка возле ушка. Виктория проводила Романа в прихожую, чувствуя почти благодарность. Он ни одним намеком не коснулся опасной темы, ни слова не сказал о возможности других встреч. Сейчас он уходит с видом человека, который просто подарил своему сердцу встречу с прошлым, чтобы успокоить немного боль настоящего, и теперь удаляется в свою жизнь окончательно. Роман и Викторю легко прижал к себе на прощание, просто чтобы избежать слов, которые не нужны, потому что и так все ясно.

Уложив ребенка, Виктория разрешила себе всхлипнуть в ванной. Это были слезы облегчения. Они опять остались вдвоем, в своем родстве-крепости.

Через неделю Виктория приготовила ужин, ответила по телефону на вопрос соседки, которая спросила, не может ли она ей одолжить немного яблочного уксуса, и открыла входную дверь на звонок, держа бутылочку с уксусом в руке. На площадке стоял Роман, на этот раз он был в дорогом офисном костюме и светлой рубашке. И выражение лица, как будто явился на торжественный прием.

– Извини, что без звонка, – произнес он небрежно. – Просто мимо проезжал, захотелось повидаться. Ты не против?

– Я против, – начала Виктория.

Но из комнаты уже выбежал Антон и весело сказал:

– Это ты, Роман? А мы думали, соседка за уксусом пришла. Заходи, будем есть. У нас сегодня запеканка из капусты.

Этот совместный вечер был совершенно, демонстративно не похож на первый. Роман не просто управлял ситуацией, он явно это управление подготовил. Непринужденно устроился рядом с Антоном на диване и вручил ему подарок: детский мобильный телефон. Ребенок потрясенно ахнул, а Виктория, накрывая на стол, краем глаза рассматривала упаковку, формат, фирму... Она давно рассматривала эти чудо-телефоны, в которых все как полагается, только ярко, красиво и адаптировано для детей от пяти лет. Хорошая фирма – это в среднем пятьдесят тысяч. То, что принес Роман, наверняка дороже. Такие модели Вика со вздохом проходила.

– Я взял версию для шести-семилеток. Знаю, что тебе только пять стукнет. Но дело же не в количестве лет, а в мозгах, правда?

– У меня день рождения не сегодня, – почти испуганно сказал Антон. – Теперь только после Нового года. Вообще весной. Ты перепутал, Роман? Хотел сделать мне подарок?

– Я прекрасно знаю, когда у тебя день рождения. Могу показать тебе мой телефон, там календарь, и этот день обведен красным кружочком. Подарок впереди. Я просто хочу, чтобы мой друг мог быть со мной на связи. Я так поступаю, деловая привычка. А ты как считаешь?

– Я тоже так считаю, – счастливо выдохнул Антон. – И у меня деловая привычка.

Он был таким прелестным и забавным в тот момент, а у Виктории не хватило сил на улыбку.

За ужином солировал Роман. Он начал рассказывать, как поехал выбирать себе новую машину. Описывал достоинства разных марок так красочно, что ребенок, конечно, попросил показать фото. Роман с готовностью достал айфон и начал демонстрировать с комментариями снимки, от которых любой мальчик выпадет из реальности. У Антона даже ушки загорелись от восторга.

– Ткни пальцем в ту, которая тебе нравится, – ласково произнес Роман. – Ясно, я так и думал. Мне, пожалуй, пора. Спасибо, Вика, все было очень вкусно, – заметил он наконец Викторию. – Так я позвоню или заеду, Тони, когда сделаю выбор. Может, покатаемся вместе.

Антон играл со своим телефоном, пока глазки не начали слипаться. Он даже не заметил, что Виктория за весь вечер не произнесла ни слова. Сначала рыжие реснички закрыли зеленые озера, потом Виктория смогла вынуть из горячих ладошек телефон и положить его на тумбочку. Виктория тащила в свою комнату тяжелые, как будто залитые бетоном, руки и ноги и не могла придумать, за что уцепиться, как выстроить прогноз и свою защиту. Потому что нет сомнений, что ей объявлена война. Просто приглашение к родству, семье выглядит совсем иначе. Это решалось бы прежде всего с ней. Хотя она не приняла бы никакого. И он это знает.

Но в самом страшном сне Виктории не могло присниться то, что произошло.

Упорядоченный, теплый порядок их жизни оборвался. Дни полетели в спешке и напряжении: Виктория больше не знала, чего ей ждать в следующую минуту. Антон уже три раза ездил с Романом на его новой шикарной тачке. И только в первый раз Антон спросил у Виктории:

– Мама, ты едешь с нами? Почему ты не одеваешься?

Виктория взглянула на отстраненное лицо Романа, который сделал вид, что не слышал вопроса, и ответила:

– Нет, сыночек. Я поработаю, пока тебя не будет. К твоему возвращению приготовлю что-то вкусное, найду интересное кино, – и холодно добавила: – Роман, не больше часа, пожалуйста. Я засекаю время.

Время он соблюдал два раза. В третий привез ребенка через два с половиной часа. Полтора часа его телефон был недоступен, а смартфон Антона остался дома. Мальчик показался Виктории утомленным и растерянным. Роман, не дожидаясь претензий, сухо извинился и добавил:

– Вика, я ему все сказал. Наш секрет стал нелепым и нечестным по отношению к сыну. Ничего не говори, давай все отложим до завтра. Я приеду в четыре часа. Разговор будет серьезным. И ты заранее постарайся ко всему отнестись объективно, с позиции интересов ребенка. Да, Антона пока не стоит терзать вопросами. Это взрослые дела.

Виктория не просто не собиралась вытаскивать какую-то информацию у мальчика: она, как всегда, ощутив смятение, даже угнетенность Антона, боялась словом, намеком, вздохом и даже выражением собственных глаз задеть его и еще больше ранить. Ласкала, кормила, баюкала, даже пыталась смешить. Ночью набиралась решимости для окончательного выяснения позиций и жесткого разговора с Романом. Готовила речь...

Ровно в четыре часа она открыла дверь на звонок, и Роман пропустил перед собой в прихожую толстую женщину с бесцеремонным взглядом круглых маленьких глаз.

– Знакомьтесь, – произнес Роман. – Это Виктория, мать моего сына. А это Инна Аркадьевна, мой адвокат.

Ни один довод, ни одна фраза из придуманных Викторией ночью ей не пригодились. В такой степени она промахнулась мимо истинных мотивов и планов Романа. Она допускала два варианта его интереса. Первый – Роман, потеряв законного сына, решил приблизить к себе внебрачного ребенка, стать для него приходящим, но несомненным авторитетом. А в будущем приобрести в лице взрослого сына единомышленника и опору. И второй вариант: он собирается создать новую семью на обломках прежней. Он же говорил, что с женой практически не общается. В его доме поселились тоска и, возможно, даже вражда. Так часто бывает с осиротевшими родителями. А там, где Рыжик и Виктория, – свет, тепло, любовь и доверие. Романа сюда потянуло, он допустил или даже запланировал создание новой, счастливой семьи. Но он повел себя, как привык – прямолинейно, барственно и неделикатно. Он практически покупает привязанность ребенка и демонстрирует снисходительно-покровительственное пренебрежение к Викторией как к подчиненному члену семьи, в которой доминирует мужское братство и понимание. Неумная, античеловеческая позиция, достоинством которой является то, что она не оставляет сомнений для Викторией. Никогда и ни за что она не впустила в свою жизнь человека, который именно сейчас оказался принципиально, категорически, навеки чужим. Все свои силы, разум, возможности и пыл она посвятит тому, чтобы защитить от такого человека того, кому только она дала жизнь, того, ради которого живет сама. Антон – необычный ребенок, он поймет, насколько настоящие любовь и преданность важнее, чем деньги и связи Романа. Он умеет ценить их содружество и союз двоих.

Боже, как она была наивна. Как она путалась в самых нелепых представлениях о возникшей проблеме, о драматических и психологических преодолениях. Ее смешные рассуждения просто никого не интересовали. Она больше не могла никого остановить. К Викторией пришли с диктатом и приговором. В случае неповиновения – казнь.

Разговор Роман начал со справки, как претендент на ключевую пост в экономике. Изложил, каким капиталом обладает, какая у него недвижимость, в каких советах банков и финансовых компаний он состоит. Называл всем известные фамилии своих деловых партнеров и покровителей. Виктория слушала с растущим недоумением. Следующий пункт его речи заставил кровь застыть в жилах. Роман сообщил, что сдал тест на отцовство, получил подтверждение, решил признать сына, официально его усыновить, сделать наследником. Для начала он намерен предложить Викторией совместную опеку на переходный период. Но цель – отказ Викторией от родительских прав, Антон будет жить в семье родного отца и его жены. Вопросы встреч Викторией с сыном обсуждаются, конечно, но она должна понять, что это фактор напряжения для ребенка.

– Вика, это все для благополучия Антона. Если ты справишься с эгоистическими чувствами, ты оценишь перспективу. Маленький ребенок может мириться с жалким существованием с не слишком устроенной матерью-одиночкой. Но он будет расти, сравнивать свою жизнь с тем, как живут другие сверстники. И если тебе удастся разрушить мой план, сын может тебя не простить. – Роман говорил с ней почти сочувственно. – Разумеется, я не оставлю тебя без поддержки и помощи, если что.

– Я так долго молчу, – произнесла Виктория, – потому что раздавлена чудовищным и агрессивным абсурдом того, что слышу. Не могу поверить, что ты это все придумал всерьез. Я хочу, чтобы ты и твой адвокат, роли которого я не понимаю, покинули наш дом.

– Не горячитесь, дорогуша, – пророкотала низким голосом Инна Аркадьевна. – Дело в том, что мы предвидели такую реакцию. И на этот случай у нас есть прекрасный план Б. Вот мой иск, вот заключение экспертов. Это будет запущено мгновенно, если вам не хватит благоразумия. И тот факт, что его у вас может не хватить, окончательно продемонстрирует, что для вас важнее: собственный эгоизм или интересы и будущее ребенка.

Она разложила на столе перед Викторией бумаги. Та пыталась что-то читать, но взгляд зацепился за одну фразу: «Лишение материнских прав», все поплыло перед глазами, преда-

тельская тошнота поднялась к горлу, ей показалось, что она теряет сознание. Эти люди сидели молча и спокойно смотрели на попытки Виктории справиться со слабостью и дурнотой и что-то произнести окаменевшими губами. А затем они поднялись.

– Вика, не торопись и не волнуйся. Это копии, мы оставляем все тебе. Прочитаешь и подумаешь одна, в спокойной обстановке, – произнес Роман. – А дальше самое простое – сделать правильный выбор. Ты можешь даже с кем-то посоветоваться, чтобы понять: это не шантаж, не угрозы. Твои риски на самом деле реальны. Жертва – собственный сын.

И они ушли. Виктория не шевельнулась, чтобы закрыть за ними дверь изнутри. Не имело смысла: стены ее дома, ее крепости зашатались, как при землетрясении. Она слышала приближающийся треск и дальний грохот обвала. И не могла шевельнуться. А нужно было поднять себя, спрятать эти страшные бумаги и пойти к сыну. Как-то утешить его, что-то объяснить. Нет, объяснять пока ничего невозможно. Можно лишь хвататься за одну надежду: еще есть шансы все спасти, враждебные планы разрушить.

И они прожили свой, почти обычный, привычно теплый, пронизанный родством и взаимной преданностью вечер. Виктория вдохнула прелесть и аромат своего засыпающего сокровища, почувствовала прилив храбрости. Вышла из детской и набрала телефон Кольцова.

– Сережа, ты мне нужен срочно. У меня враги и война. Необходим план защиты и нападения. А я даже сама не могу понять, насколько это опасно и может ли все это быть на самом деле.

Она ждала его, и мысли постепенно выстраивались в порядок в воспаленном мозгу. Кольцов юрист, криминалист, он поможет сейчас найти несомненные точки опоры. Где-то все это должно быть прописано. Она мать, есть закон и справедливость... Это не могут изменить даже деньги и связи Романа. К бумагам она не могла прикоснуться. Прочитает вместе с Сергеем.

Кольцов приехал, попросил чашку крепкого кофе. Сначала выслушал Викторию. Потом просмотрел бумаги.

– Вика, ты это читала?

– Нет, пока не смогла. Там какой-то бред про лишение материнских прав.

– Это не бред, к сожалению. Большая подлость, но это другой вопрос. Это иск биологического отца Антона, основанный на его предположении, что жизни ребенка угрожает опасность, связанная с халатностью и беспечностью матери. И куча документов, связанных с травмой и госпитализацией Антона после инцидента во дворе. Они нашли каких-то свидетельниц, которые показали, что ты постоянно приводишь ребенка в самое опасное место двора – там «бешеные инфицированные кошки», с одной стороны, машины – с другой. Очевидцы происшествия утверждают, что ребенка даже не держали за руку, когда на него мчалась машина. Он упал головой на грабли, которые взрослый человек не мог не заметить. И справка из больницы: чудом не задеты жизненно важные центры... Ну и все такое прочее. Дальше: ты отказалась от заявления на водителя.

– Но это же...

– Да, это умело искаженная, перевернутая информация, но суд будет рассматривать «факты» на бумаге. Трактовки купленных свидетелей, вырванные из контекста выводы врача и слова участкового. Виктория, ты правильно сказала: это война. И ее правила, бесправие, методы и самые агрессивные атаки, к сожалению, давно отработаны. И если одна сторона – это так называемый влиятельный человек, результат практически предопределен. Может получиться. К тому же именно сейчас появился законопроект о том, что если доказано, что у родного родителя, родителей для ребенка существует опасность для жизни, он может до решения суда быть изъят принудительно в течение двадцати четырех часов. Это в любую минуту может стать законом. Продвигают очень серьезные люди. И это уже работает иногда без отдельного закона. Особенно если, как в нашем случае, куплено экспертное заключение. Вот оно. И печаль тут в том, что действительно иногда существует такая необходимость: ребенок с отцом-сади-

стом, насильником, которого пока не поймали с поличным. С матерью – алкоголичкой, психопаткой... Необходимость существует, но до трагедии такое никому не нужно. Это в «плане профилактики» может быть запущено лишь там, где есть связи и деньги. Беда в том, что, когда есть бумажки и, главное, протекция, никто не будет ничего перепроверять. Особенно сейчас на дистанционке, карантине, при нехватке людей.

– Что делать? – спросила Виктория белыми губами. – Исключено, чтобы я отказалась от Антона в пользу Романа с его женой.

– Да, исключено. Что делать? Пока только думать и быть готовыми ко всему. Вика, все, что я могу сказать тебе утешительного: против лома есть приемы, но их нужно тщательно и глубоко искать. Чем я и займусь сейчас. Погуляю по жизни и биографии Романа Григорьева и его домочадцев. А ты пока ешь, спи, старайся не терять силы и разум. Как только будет информация, срочно звони.

– Сережа, у меня есть деньги. Я откладываю... Не знаю, на что, но давай я тебе их переvedу.

– Сочтемся славою. Забудь об этом пока. Кстати, у тебя есть знакомые журналисты не гламурного плана, а такие, которые пишут на социальные темы?

– Есть. Лена Горячева. Я читала ее материалы как раз о родительских войнах.

– Позвони ей. Завтра. А пока постарайся отдохнуть, я сделал фото документов. До связи.

Лена Горячева приехала утром, через час после звонка Виктории. Сначала выслушала Вику, потом долго и внимательно читала документы.

– Это беда, Вика. У меня уже давно появилось ощущение, что существует коллектив юристов-крючкотворов, которые оказывают дорогие услуги богатым папам в борьбе против мам за полную опеку над детьми. Иногда мотив – тупо месть жене или любовнице, а дети просто инструмент. Но в твоём случае, похоже, другое: идея наследника, проект создания идеального сына вместо неудачного, который погиб. От этого пахнет манией, что само по себе бетонная стена, неуязвимая для уговоров и убеждений. Я пишу такие материалы, газета инициирует процессы, матери и я рвем сердца, доказывая и надеясь... А потом практически всегда поражения. Это может тянуться годами, пока у матери хватает здоровья и денег для борьбы. Одна моя подзащитная мать, у которой бывший муж отбирает сына, увезла его в Израиль. Так он там умудрился завести дело, ее с ребенком экстрадировали в Москву, и я сейчас видела в аэропорту, как ребенка оторвали от матери «космонавты» в форме. Кстати, в этом случае «опасность для жизни ребенка» папашей и оплаченной им опекой была обнаружена в холодильнике. Они там при обыске обнаружили молоко, масло, творог, корочку, еду. А папаша – веган, считает, что кормить ребенка нужно только сеном. Он веган и скотина. У тебя есть кто-то, кто может поддержать?

– Частный детектив, Сергей Кольцов, говорит, что будет искать нестандартные ходы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.